

Михаил АСЛАМОВ

НА КРАЮ БЛАГОДАТНОГО ЧАСА

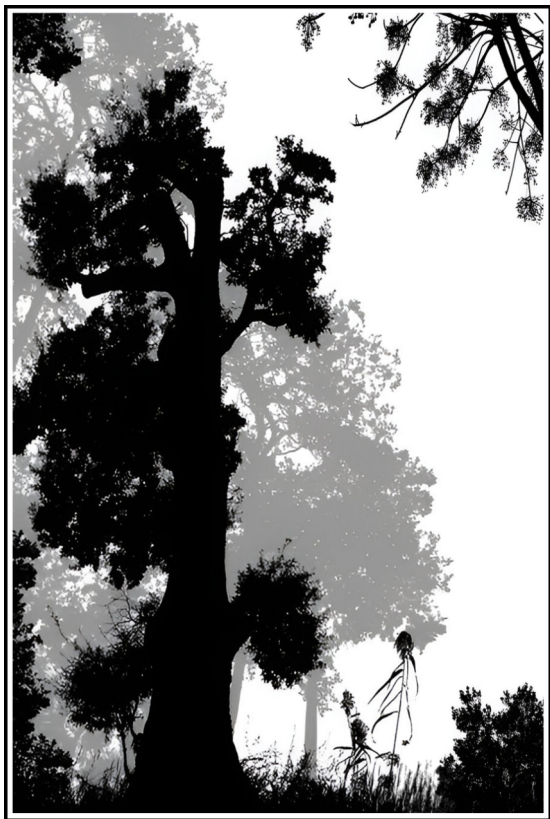
стихотворения

Михаил АСЛАМОВ
**НА КРАЮ
БЛАГОДАТНОГО ЧАСА**
стихотворения

Осенью 1965 года на Всероссийском семинаре молодых литераторов в Чите Михаил Асламов был принят в Союз писателей России. Ведущая тема его поэтического творчества—судьба человека-созидателя. В разных ситуациях (и в любви!). Своего лирического героя он находит и на северо-востоке России от островка Айон в Ледовитом океане, стойбищ Чукотки до строителей Зейской ГЭС и БАМа.

*Памяти Людмилы —
жены, матери и бабушки*

Михаил АСЛАМОВ

***НА КРАЮ
БЛАГОДАТНОГО ЧАСА***

стихотворения

Хабаровск
2017

УДК 882
ББК 84 (2 Рос-Рус) 6
А 72

*Хабаровское региональное отделение
Союза писателей России*

К 63 Асламов Михаил Феофанович
На краю благодатного часа —
Хабаровск, 2017.

Редактор: авторская
Оформление Ю. И. Дунский

© Асламов М. Ф.
© Дунский Ю. И., оформление, 2017
© Хабаровское региональное отделение
Союза писателей России, 2017

ISBN 978-5-98621-048-3

* * *

Вы правы. Я, конечно, старомоден,
Тем и живу, чем раньше дорожил.
Но я таким был времени угоден,
Не вороном, но ласточкой кружил.

У времени крутого под стрехою
Лепить пытался гнёзда, но обвал
Их разрушал
и ветер непокая
Из всех щелей на стужу выдувал.

Знать, жил не так,
чтоб строчкой вам потрафить,
Как поп в расстриг, от вас я ухожу.
Займусь-ка сочиненьем эпитафий —
Не вам, но, может, Богу угожу.

Створ прощания
(из «Зейской тетради»)

Памяти Валентина Распутина

Нас вверх по Зее уносил проворно
На крылышках подводных теплоход,
И странно было видеть, как упорно
Плотина погружалась в толщу вод.

Лети себе легко и безрассудно!
А там, за поворотом, впереди
Такая даль угадывалась смутно,
Что холодок покалывал в груди.

Но, возбуждённый безрассудства хмелем,
Опасным ускорением крови,
Я всё ж заметил: явно погрустнели
Веселые попутчики мои.

«Ракета» шла форватером неспешно,
А вот опять — «топляк» очередной!
Оставленные лиственницы-вешки
Качались обречённо над водой.

А тут из местных мужичок дотошный,
Что погрузился чуть навеселе,
Вздыхнул, скорбя:

— Утопла Филимошка,
А я, брат, свадьбу справил в том селе!..

И стало тихо. И печаль сквозная
Текла с небес на рукотворный плёс
А тут над ухом: — Красота какая! —
Вдруг кто-то восхищенно произнёс.

Я вздрогнул и откликнулся: — Не жалко?
И на воде его качнулась тень.
— А мне-то что? Ни холодно, ни жарко...
И вправду был такой покойный день.

В такие дни незнобкие под осень
Покойников способно хоронить...
Не оживить, когда под корень скосит,
Чего нельзя, того не сохранить.

Понятно всё. Но я не из бетона,
Чтоб на дороге памяти лежать
Запрудюю.

Я не могу без стога
Родимых в путь последний провожать...

Как долго же листвянка, так щемяще
Махала вслед нам, виделась пока, —
Как матери, навеки уходящей,
В напутствие

прощальная рука.

Кочевье

Дни и ночи в крови и в поту
Отпахали войну, отрыдали.
И теперь вот в приморском порту
Я свой «рейсовый» хлеб проедаю.

Запропал он (волнуется люд),
Пароход пролетарский «Франц Меринг».
Из него этот люд и сольют,
Где-то выплеснут с борта на берег...

Эх, народ мой — трава-лебеда,
Поредевший в шинковке жестокой!..
Чем притягивало сюда
Вас магнитное поле востока?

Или волей — хлебнуть и постичь,
Или долей — кулак в изголовье?
И срывает вербовочный клич
Якоря родового гнездовья.

Вон малец в гимнастёрке, босой
Мает дудку под окрик «придурок!»
То — свирельно, а то с хрипотцой:
Ведь у детства своя партитура.

Что-то близкое в детском лице...
«Ишь какая занятная дудка!»
Посижу, как на милом крыльце,
Где отец мой попыхивал трубкой...

Пришвартуется «Меринг» среди дня
Перед рейсом своим каботажным.
Помню я, как сжигала меня
Среди моря Японского жажда.

У какого-то чана у крыс
Отвоёвывал пресную воду.
(Если тошно — тряпицей утрись,
Отойди в уголок от народа)...

А пока подудим-допоём
На краю благодатного часа
Среди своих, что легки на подъём,
Пассажиров из трюмного класса.

Дуй, братишка, чтоб стало тепло
Моему високосному детству...
Сколько нас к побережью стекло
К посулённым наделам в наследство!

Всех вберёт, «переварит» впотьмах —
Всех! — в рассоле тумана
пространство...

А мальчонка дудит на узлах
Над российским над всем окаянством.

Март-апрель 2012

Опричник

Когда в предветрии заря
Ложится на залив Опричник —
Впрямь что-то есть в его обличье
От стража грозного царя.

Как бы под кожей желваки,
Он перекачивает волны...
Междоусобицы и войны
Готовят тайные враги.

К расправам лютым и боям
Пребудет страж всегда готовым —
Ведь ничего,
 опричь худого,
Не ждёт опричник от бояр...

Залив, я здесь. Я не забыл, —
Жестокости твоей свидетель, —
Как ты однажды на рассвете
О скалы сейнерок разбил.

За что? Ответствуй!
 В бурной мгле
Искал защиты он, увечный!..
Не отвечает
 со зловещей
Ухмылкой на крутом челе.

Он так живёт — не укрощён,
Без угрызений, без боязни...
С былым
какой-то смутной связью
Я до глубины души смущён.

Сквозь сон до первых петухов
Залива слышать буду вздохи,
Как бы дыхание эпохи,
Придавленной пластом веков...

Ответ другу

*Олегу Маслову,
доктору и поэту*

Как вовремя твоё письмо пришло.
Как согревает нас
 на свете белом
Всё тот же наш товарищества дух!
Как прочно нас в миру скрепляет
Слово —
И вот живёшь, чтоб убедиться снова,
Что старый друг — он лучше новых
двух.
Есть новые... Но больше тех,
некстати,
Кто для тебя — как опухоль простате...

А в фото ты изрядно наторел!
Вот ты в Италии, а вот уже в Париже,
Венеция... А мне Израиль ближе:
Ведь в горький час тебя он обогрел.
Вот дворик твой, как уголок Эдема:
Порхать над ним, а в обуви —
проблема.
И пальма даже! Но — «не достаёт».
Завидую. Одна и радость «телик».
А мне бы по Европе, по мотелям!..
Мечты... А жизнь их наловчилась
влёт...

Но я мечтаю, отходя ко сну,
Пошляться по прославленному Риму,
Неспешно так, потягивая «Приму»,
Иль прошвырнуться даже по Вероне!
Хотя понятно даже и вороне,
Что на Шекспира я не потяну.
Не обессудь. Живи себе и здравствуй...

А мы в напряге в поисках лекарства:
Гиганты бьются! Результатов нуль.
А вся загвоздка кроется в подкорке:
Самодостаточна и никакой подкормки,
И не боится никаких пиллюль.
Не зря же раньше запрещали Фрейда,
Сообразили: подсознание вредно!
Там, как в кладовке, накопился бред.
А голос внутренний?

Зараза, ну хоть тресни!

Гнусавит всё о совести, о чести...
Нет, мы прикроем этот «интернет».
Зачистим всё на этом старом диске!
(Тут водка помогает, может, виски,
А лично я считаю — самогон.
Об этом можно расспросить в народе...)

А между тем я чувствую:

уходит

Дорога жизни резче под уклон.

Так скучно думать о себе негоже,
Но столько вытряс из копилки божьей
Я слов пустых!.. Их расклюют грачи.
И стыдно было б, если не печально...

Когда же будешь у Стены Молчанья,
Ты обо мне немножко помолчи...

Ноябрь 2011

* * *

— Ты мелко пашешь, — услышал от друга,
А в голосе дышало торжество...

Но пусть, но пусть

не тронет лемех плуга

Души моей живое естество.

Я сам её, пустырную, оплакал,

Скорбящую по свету до тоски.

И пусть на ней не уродятся злаки,

Но расцветут небесно васильки.

Усердствовать,

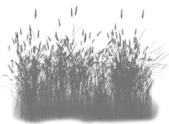
и не заметить даже,

Как до суглинка выпахал её...

Душа моя

пусть верует во блажи,

Младенчески, в бессмертие своё.

* * *

— Где же начало твоё, человек?

Где же начало?

— Помню, в начале

Меня моя мамка качала.

— Что ты хотел бы для счастья,

Себе в одаренье?

— Счастья ребёнка

В насквозь високосное время.

— Что ты боишься утратить

Пред вечным причалом —

Память,

в которой

Меня моя мамка качала...

Чёрный час

Бывало в срамоте,
как пёс, скулю за дверью,
А где я был и как — ты не хотела знать.
И нынче в чёрный час могу сказать теперь я
Тогда ты не жена,
а ты была мне мать...

Господь тебя прибрал —
и стало в мире пусто,
Ты, жадная, зачем всё унесла с собой?
Хоть «всякого-всего» мной нажито не густо
Но этот жалкий «скарб»
я назову судьбой.

И, слабый человек,
за пустоту хватаюсь —
Соломинка моя, держи меня, держи!
Свободною рукой машу, как бы взлетаю.
...А в непогодь рекой проносятся стрижи...

Ты видишь: тороплюсь! И, значит, скоро
буду,
Уволен ангел твой, пусть отдохнёт в углу.
Дочь вымоет полы, я сполосну посуду,
И вот ещё «добро» — бумажки на полу.

А всё-таки стишки... Куда их
прислуживить?
Не вызовут они в народе интерес...
А ты явись во сне, такой же, словно в яве,
И я тебе шепну: хочу я, Люда, в лес.

Я сторонюсь людей, и надоел им тоже.
Я просекой пойду у леса на виду.
Репейник озверел и достаёт до кожи,
Своих не узнаёт, но я его пройду

И выйду к чистоте, прижмусь к стволу
берёзы —
И примет боль она и задрожит без слов.
Она сестра моя и не осудит слёзы.
Колючки оберу. И я почти готов...

Февраль 2014

Запоздалое слово

Заря в окне — как отблеск бед,
Исповедальный час.
Как будто льётся этот свет
Из выплаканных глаз.

Как жил... По совести своей
И выгод не искал,
И от товарищей-друзей
Души не замыкал.

Их и в беде, и на пиру
Не обносил теплом...
Любовь
 стояла на ветру
В пальтишке продувном.

Меня проглатывала мгла
Сомнительных затей...
Любовь
 ночами берегла
Покой моих детей.

Что заслужил в своей судьбе?
Что скажут друг и враг?..
На днях услышал о себе:
— Он ничего... Добряк!

Скажи. Любой упрёк приму!
Вздохнула бы, любя,
Оставив право самому
Судить себя.

* * *

Отвергну прощенье и жалость,
К чему нам всё это «кино».
Верни только малую малость,
Верни мне мгновенье одно.

Чтоб мог я опять среди ночи,
Проснувшись в холодном поту,
Как будто бы всех одиночеств
С груди отрывая плиту, —

В последнем усилии воли
Нащупать, дыша горячо,
Твоё, дорогое до боли,
С тесёмочкой узкой плечо...

Убойная волна

И отстрелялись, и отголосили,
Закончилась проклятая война.
Но шла ещё по матушке-России
Последняя убойная волна.

И докатилась...

Я поныне помню,
Как выскочил из дома сам не свой,
Когда неожиданно, резко

мякоть полдня
Рассёк истошный голос, ножевой.

Соседка наша — Как же она билась
Безумно об ограду! — Как мне жить!?.
И рядом почтальонша суетилась,
К ней близко не решаясь подступить.

А день по-майски был такой погожий,
Кружилась в небе стая голубей.
И ввинчивался в небо крик:

— О, боже!
Зачем же так?! Убей меня, убей!..

Вот кончится молчания минута,
Ракеты будут падать и кружить.
Но даже и победные салюты
Не в силах вдовьих криков заглушить.

Человек с черёмухой

Брату Алеше

Над сопками и над слияньем рек
Всходило солнце, рассыпая радуги,
И зёрнышком в прозрачной виноградинке
Угадывался в утре
человек.

Вот мостиком прошёл он над рекой...
Он что-то нёс: оно белело, пенясь.
Легко сбежал с пригорка, подбоченья —
Так неуклюже! — правою рукой.

Он подходил — и смог я различить:
Черёмуху он нёс, по-детски кроток,
Так нежно и с опаской,
словно кто-то
Хотел его с букетом разлучить.

Он в левой нёс. А правая была...
Да у него и не было-то правой:
Рукав пустой был под ремень
заправлен...

Ах, как в тот год черёмуха цвела!

С нелепо укороченным плечом
Шёл человек. Он явно волновался.
Он, будто открываясь, улыбался
И припадал к черёмухе лицом.

Шёл у домов, охрипших от забот,
Ларёк минуя, голубой, как небо,
Где очередь ждала угрюмо хлеба, —
С черёмухой.

На солнце.

На восход.

И были удивительно легки
Его шаги. И — набекрень фуражка.
И женщина в толпе вздыхала тяжко
И всё глядела вслед из-под руки.

Смотрели дети, вдовы, старики
Так удивлённо, словно бы впервые
За всю войну

ликующе живые

Черёмуха роняла лепестки.

1963 год

Мы точим мины — фронтовой заказ.
И про себя я начинаю думать:
Прикидываю, сколько может
«сдунуть»
Фашистов мой один такой фугас.

Подсчёт меня ужасно веселит!
Насвистываю что-то вдохновенно...
Но — как длинна ты, фронтовая смена!
И гнёт она, и плакать не велит.

Но плачу я. В том нет моей вины,
Что щи пусты, а сам я
не двужильный!..
Вот так они, мне помнится,
и жили,
Твои, Россия, малые сыны.

А потом сидел он, кроток,
И, не поднимая век,
Может — так,
 а может, что-то
Вспомнил старый человек...

Обнова

Столкнулись на улочке,
 к рынку
Сбегающей вниз под откос.
Он бойко шагал и ботинки
Подмышкою бережно нёс.

Навстречу улыбкой светился,
Довольный судьбой по всему.
— Вот видишь, брат, прибарахлился!
И я улыбнулся ему.

— Зашёл тут к богатым ребятам,
И вот, — по ноге подобрал.
И я засмеялся: — А я-то
Подумал: неужто украл?

Он с грустью: — Поношены малость, —
Царапая скос каблука...
И я подавил в себе жалость:
— Зато, брат, подошва крепка!

И он приосанился браво:
Мол, видишь: — живу — не тужу.
— Вот жмёт, брат, немножечко
правый...
Но я-то его разношу!

А время катилось под осень,
И твёрдо при пасмурном дне:
— Конечно, дружище, разносишь! —
Я с ним согласился вполне.

1993 год

* * *

По глотку нам осталось из кружки,
Вон уж веха (иль просто слега...)
Там, за ней — не колдует кукушка
И не тают под солнцем снега.

Но пока не забыты, однако,
Значит, есть ещё, чем дорожить.
Коль уж ангел пока не оплакал,
Постараемся всё-таки жить

Будет солнышко, будут и грозы,
Но средь горя и праздных утех,
Чтоб смеялись бы люди сквозь слёзы,
Чтобы плакалось людям сквозь смех.

Надо жить! —
 добрым словом упрямо
В злую непогодь грея сердца.
Будем жить,
 средь разгула и срама, —
Вопреки! — не теряя лица.

Январь-февраль 2012 года

Я за спиною рассмеюсь: — Простите...
И торопя непрошенный ответ:
— Мне показалось, что вы улетите.
Он вскинет брови: — Значит, вы поэт?

И засмущаюсь я: — Да что Вы? Что Вы?!.
И ждёт игра, хотя и без призов.
И вот опять кии к игре готовы.
— Сейчас я вас раздену до трусов.

И вдруг — о внуке тихо и вольготно:
Опять принёс садистские стихи!
О бабке в проводах высоковольтных —
И сам смеётся, словно от тоски.

Но вот уходит с посохом Овидий.
Я вслед смотрю.

А был ли он такой?..

Ушёл, ушёл — и больше не увидишь,
Да вздрогнешь сердцем над его строкой.

Ненастье

Смыт горизонт, и солнца нет давно,
И мелко сеет дождик морозящий —
Он, словно подаяние просящий,
Скребется в листьях,
просится в окно.

Погодка — в пору б умереть с тоски,
Не будь бы мне доподлинно известно,
Что там, в лесу продрогшем,
повсеместно
Грибы сейчас привстали на носки.

И вот бредут, ножонки оголив,
Промокшим лесом, нахлобучив шляпки.
Их — хлебом не корми,
а дай пошляться,
Беспечным детям матери-земли.

Время отстоя

Чёрные баржи в замёрзшем затоне,
Словно изюминки в белом батоне,
И — ни души...
Словно бы Время само на отстое —
Лошадь,
 позвякивающая уздою,
Снегом
 похрустывающая в тиши.

Стала река.

 Наработалась сладко.
Грузы таскала от веста до оста,
А не пора ли замкнуться в себя?
Хватит забот ей и без теплоходов!
Надо творить, что велела Природа,
Время текучее не торопя.

В этих заботах, Природе на прибыль,
Выкормить,

 выходить
 выводок рыбий —
Воспроизводству губителен сбой...
Выпали сроки замкнуться
 подлёдно

Рекам. И вам, если это угодно, —
Надо ж когда-то заняться собой!

Время отстоя...

Оно не пустое:

Зона, где властвует чувство шестое,

И прозревается что-то простое —

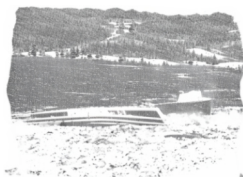
Это от Бога и только твоё!

Можно заняться ремонтом моторки

Или зачистить

контакты подкорки —

Глухо доходят сигналы её.

* * *

Мёд времени из сот давно истёк,
Яд времени пока из них сочится —
Есть чем ещё от слепоты лечиться.
А жизнь ушла в песок или в свисток.

Снега от бед укрыли огород.
Окликнешь — и никто не отзовётся...
Товарищей уже не остаётся,
Их нет
 среди новорожденных господ.

Другой у нас отныне «партактив»,
А жизнь так выразительна, как кукиш:
— Верёвка вот,
 а мыло сам прикупишь, —
Такой у этой жизни лейтмотив.

Конечно, осуждаем суицид,
И нет проблем ни с мылом, ни с верёвкой.
Но Бог нам сверху пальчиком грозит:
У Божьих врат заминки в сортировке.

Тем более! Спешить нам смысла нет.
Помянем дорогих — и незабвенных.

Звучи, Шопен. Прибросим с кружкой
пенной:

Каков прикид на наш менталитет?

А он таков, что всё — наоборот.

Верней — неясно, но — вперёд и с песней!

А дальше что? А дальше интересней!

Читай газету «Сад и огород».

* * *

Упаду на соцветия клевера,
Утону с головою в траве,
Чтобы ноги — к прохладному северу,
И усталым лицом — к синеве.

Мне в ложбинке меж меридианов
Под покачивание земли
Чутко слушать, как в мареве прямом
Подозрительно кружат шмели;

И комарик незлобно проносится
Нереален, как будто фантом,
Упираясь лучом в переносицу,
Кувыркается солнце винтом;

Муравей из ничейных владений
По щеке пробегает к виску,
И губами тянусь, как младенец,
К шляпке клевера, будто к соску...

Я один
на земле этой грешной,
Боль её отдается в спине.
И один лишь кузнечик потешный,
Несомненно сочувствует мне —

И пульсирует дробь многоточий,
Словно весть неизвестно кому...

Травка малая ухо щекочет,
Что-то тайное высказать хочет
По секрету, да я не пойму.

Я нездешний, трава.
Я пришелец,
Я спустился сюда по лучу.
Мне б уснуть под беспмятный шелест.
Не мешайте. А то улечу...

* * *

Вовсе не скучно
Под серою сенью...
Сам я стал тихим,
Как дождик осенний,
Осиротелому полю родня.
Это родство наше
Кровное, вечное...
Невнятица вещая —
В ней предсказание
Белого дня
Только постичь её люди
Бессильны...
Перескажи,
Переводчик-осинник:
Что там творится сейчас
В небесах?
Сколько
Отмерено мне на часах?

Круговорот

Вот завершается круговорот,
Эхо аукнет гусиному клину...
Отплодоносил мой сад-огород,
Вырезать надо сухую малину.

Только природе не ведома ложь.
Гуси печалятся, вдаль улета...
Отплодоносила — значит, под нож...
Ишь как окрепла лоза молодая.

Любо весною глядеть будет мне,
Как она к небу высокому прянет!
Нынче ж лозу пригибаю к земле,
Чтобы мороз не обжѣг её ранний.

Нынче пригну, а потом, к холодам,
Из междурядья землёй прикопаю:
Перед морозом в обиду не дам —
Пусть сохранится лоза молодая!

Ворохи старого лозняка
Вынесу в устье дорожной развилки...
Только б скорей заметали снега
Холмики, грустные, словно могилки.

* * *

Все прогнозы — игра в «Угадай-ка!»
Вековые приметы не в масть.
И к чему бы закатная спайка
Вдруг подзольным огнём пролилась!

Облака — как бинты неумелые,
Значит, к ветру... Но вышел в рассвет:
Облаками кипенно-белыми
Оторочен был горный хребет.

Словно кто-то, не нашей сноровки,
Не по-нашему скроен и сшит,
Натянул бельевую верёвку
И развесил бельишко сушить.

Может, бабы, как было веками,
Всё мужичье — срамное, в крови —
Отмочили, отбили вальками
Из своей окаянной любви...

Нам завещано в чистой рубахе
Перед жизнью и смертью стоять.
То-то будет хрустеть на размахе!
В чистой можно с судьбой поиграть.

А судьба, как гречиха, прогоркла,
Не до игр ей, уж как ни крутись:
Или пулю ловить на разборках,
Или лугом с косою пройтись...

А прислушаешься вполуха:
Тонкий звон ручейками в горах.
Может, наша с тобою старуха
Правит косу на новый замах...

Надышаться бы этою синью,
Наплескаться бы этой рекой!..
Хоть на вздох окунись же, Россия,
В жизнь выстраданный покой.

Март 2012

Этюд с соболем

Вот, шапочкой увенчана,
По-зимнему в мехаха,
Достойна эта женщина
Воспетой быть в стихах.
Как ангельское —

личико

Сияет добротой.

Но...

словно где-то вычитал

Я про неё не то.

Так,

ничего подробного,

И дело не моё.

Но чудится

недоброе

В походочке её.

Идёт —

как сквозь переднюю

В своём дому!..

Но вам-то эти сведения

Уж вовсе ни к чему.

Давайте полюбуемся,

Не закрывая рта,

Как шествует по улицам

Сама

Красота!

А что до смысла скрытого,
Так то не в счёт...
И соболя
 убитого
На плечиках несёт.

* * *

Горит июль — протуберанец лета
И магма истекает на восток.
Июль горит — и каждым квантом света
Безжалостно готов прожечь висок...

Вон человек: в плаще не по сезону,
Несёт в руке какую-то суму.
Исследует и урны, и газоны.
Наверное, садовник по всему...

Друг человека пепельный окрасом
На поводке, свинцово налитой,
Плетётся — и косит кровавым глазом
На икры ног хозяйки молодой.

По виду же — типичный меланхолик,
Вот на таких бы воду и возить.
Но как его ни гладят, как ни холят, —
Всё хочется кого-то укусить.

Он, видно, стар, когда мы переходим
Со щебетанья на воронье «кар-р»...
Горит июль. Тугая тишь в природе
И до безлюдья выжжен весь бульвар.

Но выпорхнула вдруг, шурша кустами,
Девчонок стайка — как они легки!
Поблескивая влажными пупками,
К реке рванулись наперегонки...

И вот уже исчезли божьи пташки,
Им радостно: из рукава на взлёт!
Ещё горит июль — и у ромашки
Двух лепестков уже не достаёт...

Всё выгорит, что умиляло прежде,
Но по подзолу в дождевые дни
Взойдёт трава забвенья и надежды
(По мнению сидящего в тени).

Август — октябрь 2011

Бессонница

*(песня
бродяжная, актёрская)
Первым исполнителям
Народным артистам И. Желтоухову (СССР)
и С. Лычёву (России)
музыка Баршинова В. П. (1967 год)*

У меня в гостях бессонница
Папиросою чадит,
Говорит со мной по совести,
 Не прощает, не щадит.
Мы с ней заняты подсчётами
И кружится голова.
Раздаются, как пощёчины,
Беспощадные слова.

В наших спорах часто слышится
Голос женщины одной.
Почему-то трудно дышится,
Когда нет её со мной,
 Я её не часто радовал
И улыбкою встречал.
И как часто я неправдами
Её сердце омрачал...

У меня опять бессонница
Папиросою чадит

И со мною снова ссорится,
Не прощает, не щадит.
Что-то ей во мне не нравится,
Но я слышу голос твой...
Я клянусь тебе исправиться
С возвращением домой.

* * *

Я пришёл к тебе злой и неправый,
Как предчувствие чёрной беды,
Словно что-то во мне от потравы,
От ознобной осенней воды.

Что там было в ночи, за порогом?
Я не знаю, не помню, забыл.
Всё, что было, то лучше не трогать.
Помню только — тебя я любил...

* * *

Кто ни пришёл бы, я каждому рад —
Старый оценщик в конторке ломбарда.
Я не умею учить и карать,
Мне оценить бы: во сколько карат
Вдовья слеза или песенка барда.

Только бесценному — есть ли цена?
Горю и песенке этой беспечной?
Не потому ли опять возжена
К их алтарю у Создателя свечка?

Не выносите, скажу наперёд,
Этот «товар» на базарную площадь:
Песенку птичка с ладошки склюёт,
Горлышко
вдовьей слезой прополощет.

Ночь с мышами и «Маяком»

Здесь, под горушкой Стародубкой,
Что в кровь истерзана порубкой,
Моя избушка, словно дзот..
И — ночь. И тишь.

А мне не спится.

Дамышь-полёвка половицу
С остервенением грызет.
И душно.

На ночь в поздний вечер
Не возжигало небо свечи
И никли мертвенно кусты..
Неужто это от погоды
Так мучит чувство несвободы
Меня и ночь — до немоты?
Мне объяснили: это возраст.
На многоточье
сходит возглас,
И жизни всей — глоток до дна...

(А этамышь — как заводная!
Она, наверно, молодая,
И мстительна, и голодна...)

Вот этимышь привязались!..
А может, душу гложет зависть
До ломоты в твоей башке

К ним, к ним — летающим,
парящим,
Почти по-птичьи говорящим
На скорости, на сквозняке?!

(А что сейчас на «Маяке»?..)

Как рвутся к правде.
Бога ради!
Я знал её при всём параде,
И в орденах, и хороня.
Она — победна, чем и живы.
Она в местах со спецрежимом
Оплакивала меня...

(А не возжечь ли мне огня?..)

Я из другого поколения.
Мы тоже ведали
 паренье!
На привязи. Не улететь...
А вам — ровесникам излома,
Пусть будет правдой
 мама в доме,
Умеющая жалеть.
Жалеть, любить, над нами плакать...

(А мышь всё трудится над плахой,
И сколько ж это мне терпеть!..)

А над горами громыхнуло,
И в дверь прохладой потянуло —
Вот-вот обрушится гроза.
Я выйду в ночь — и успокоюсь,
Водой колодезной умоюсь,
Незамутнённой, как слеза...

Подорожник

Он — придорожная трава
Средь разнотравья,
Где утопают все права
В грязи бесправья,

Бредёшь с полуоткрытым ртом
Правдоискатель,
Тебе он — под ноги ковром,
А хочешь — скатерть.

Простолюдин он по судьбе,
В прожилках кожа...
Он зла не помнит — и тебе
Ещё поможет.

От раны малой он листком
Всю боль оттянет.
Вот так лечились испокон
Его крестьяне...

Ты Правду ищешь — он поймёт,
Восстав из грязи,
Антенно усики взметнет:
Мол, я на связи!

И изнемогший от тщеты
Пред небесами,
— Где Правда? Где? — возропщешь ты.
А под ногами...

Муравей

На прогулке в парке

*Внуку Артёмке четыре с половиной года
— Деда, сейчас опасно ходить по дорожке.
— Почему же?*

*А вот муравьишка будет перебегать дорожку,
а ты не заметишь и наступишь на него.
А он умрёт...*

Внук, кровиночка, человечек,
Дай тебя подниму на плечи —
Ишь, под вечер потяжелел!
Видно, насуетился слишком,
Словно крохотный муравьишка,
Тот, которого пожалел.

Тоже ведь работяжка скромный:
Вот несёт себе груз огромный,
Может травку, а может — злак.
Бескорыстен, как ты, заботник:
Каждый день для тебя — субботник,
Что ни сделаешь — всё «за так».

И снуёт, снуёт челночок,
Съел конфеточку и молчок!

Поиграй с ним чуток, не боле...
Как мне славно с тобой на воле

В поле, в парке или в саду!..
Ты всегда для меня — награда.
И за горестную ограду
С этой памятью я уйду.

Упаду где-нибудь в развилке,
Стану горькою чернобылкой
(А, быть может, и — муравьём!..
— Что же ты загрустил, приятель?
Слышишь, стучает? Это дятел...
Ну, и где наш трудяжка-гном?..

А тебе — жить и жить в охотку!
Править миром, а может — лодкой,
Лишь бы правилось по любви.
Будешь ладным, большим, высоким!..
Только ты на меня жестоко
Ненароком не наступи...

* * *

Памяти Геннадия Козлова

Он читал мне стихи у столба,
Бредил славой, а это опасно:
Вдруг на взлёте злодейка-судьба
Снарядит к тебе Аннушку с маслом?..

Вечерело. Над пышным кустом
Проскрипела шальная сорока...
Вот он в сумраке тонет густом,
Словно в водах забвенья. До срока.

Это нам суждено по всему,
И за это судьбу не корите...
Дай, эпоха, хотя бы ему
Зацепиться в твоём алфавите.

Ангел мой

Я — старый воробей,
Проживший на мякине
Заманчивых идей,
Горчащих и поныне...

Всё перепреет, друг,
Под Божьим солнцепёком...
Мы не жалели рук,
Нас гнула жизнь уроком.

Я жил, как все, спеша,
Чем бьют нас, тем и лечат.
Ну а моя душа
Была из рода певчих.

Когда страдала плоть
До самоотречения,
Душе отвёл Господь
Иное назначенье.

Вбирая боль и страх,
Без охов и без ахов,
Являлась в кратких снах
Душа поющей птахой.

Всё пела, ангел мой,
Всё пела да порхала.
На ниточке живой
Над пропастью держала.

И был мне различим
В напевах неподдельных
Не вседержавный гимн,
А ропот колыбельной...

Прости её, страна,
Служила да не льстила.
Знать, не тебя она,
Но Родину любила.

Вольна!.. И от людей
Не надо и полушки...
Ишь, как поётся ей
На маковке церквушки!

Куст орешника

Над материнской могилой
Подгнил уже крест.
Сизо глубок в этот утренний час
Окоём...
Словно бы падает на сердце
С чистых небес:
Что ж опоздал ты
К последнему слову её?
Всё поглотила
Глухая, холодная мгла,
Только жестокою тяжесть
Всё помнит плечо.
Мне говорили соседи:
Легко отошла.
Дескать, спросила:
— А он не приехал ещё?..
Кустик орешника за ночь
Промок и продрог,
Вскрикнула ранняя птица —
Видать, невзначай...
Может, спросила бы:
— Что ж ты так поздно, сынок?..
Может быть, просто
в усиллии смертном: — Прощай...
«Просто... »
Что знают об этих словах

Словари?
Их разночтенье
Замешано в каждой судьбе.
Скажет «Прощай...» —
Как последним тебя одарит.
Скажет «Уйди!..» —
И не будет прощенья тебе.

Что прошептали
В предсмертной истоме уста?..
Птичка хлопочет —
У каждого дело своё.
Капля росы прозвенела,
Сорвавшись с креста, —
Это ли отзвук
Последнего слова её?

* * *

Прошлого стали стираться детали.
Прошрое, воле моей вопреки,
Вдруг полыхнет
 из померкнувшей дали
Светом простора и вспышкой тоски.
В этих зарницах

 страдается сладко
От нарастающей поздней любви,
Горе,
 немыслимое до припадка,
От остывающей в сердце крови...

Вспомнить: когда и какое число?..
Помнится всё, что до сердца прожгло.

* * *

Всё чаще избегаю многолюдье,
И трудно душу приструнить
в строке:
Нить ариаднина у этой блудни
Вот-вот порвётся на земном волчке.

Она живёт, меня опережая,
Но боль в груди — её «дверной»
звонок...
Чужие тексты пресны, как
скрижали,
Своя строка не клюнет на манок.

Какой ей быть — я в этом сам
не волен,
Не ведаю, над листиком дыша.
Строка, она рождается из боли,
Её несёт страданица-душа.

И напишу вот нечто для затравки,
Пока ещё рука моя легка...
А город всё хрипит в автоудавке.
И ночь к утру. Но не было звонка!..

Апрель 2012

* * *

Откуда берётся усталость,
В пору щенком завывать.
Выламывается
 из суставов
Плоть, уставшая жить.

Крестик дрожит на шее,
Не открываю глаз,
Словно солдат в траншее,
Истративший боезапас.

Будет тебе «награда»
Уже на самом краю...
Подталкивать только не надо,
Последнее отдаю.

2 апреля 2016

И трепещет в слепом озаренье
Жёлтый листик на встречном ветру...
Вопросительный знак
в оперенье —
Поздний гусь на озябшем пруду.

СОДЕРЖАНИЕ

«Вы правы...».....	5
Створ прощания.....	6
Кочевье.....	8
«Как скорбный дом...».....	10
Опричник.....	11
Ответ другу.....	13
«Ты мелко пашешь...».....	16
«Где же начало твоё...».....	17
Черный час.....	18
Запоздалое слово.....	20
«Отвергну прощение...».....	22
Убойная волна.....	23
Человек с черёмухой.....	24
Так они и жили.....	26
«Человек седой, огрузлый...».....	28
Обнова.....	30
«По глотку нам...».....	32
Арсений Тарковский.....	33
Ненастье.....	35
Время отстоя.....	36
«Мёд времени из сот...».....	38
«Упаду на соцветия клевера...».....	40
«Вовсе не скучно...».....	42
Круговорот.....	43
«Все прогнозы—игра...».....	44
Этюд с соболем.....	46
Горит июль.....	48
Бессонница (песня).....	50
«Я пришел к тебе злой...».....	52
«Кто ни пришёл бы...».....	53
Ночь с мышами и «Маяком».....	54
Подорожник.....	57
Муравей.....	59
«Он читал мне стихи...».....	61
Ангел мой.....	62
Опыт.....	64
Куст орешника.....	65
«Прошлого стали стираться детали...».....	67
«Всё чаще избегаю...».....	68
«Откуда берется усталость...».....	69
«Так всегда и бывает...».....	70

...Мы уйдем за околицу быта,
Где надежда еще не убита,
Не ударило небо грозой.
Где кислит простоквашно
Свобода
От избыточного кислорода,
Выпадающего росой.

